

Едва ли есть необходимость особо подчеркивать, что неординарная и концептуально интересная книга М. Хаджихича, бросая вызов укоренившимся в историографии представлениям, многие из которых давно вошли в учебную литературу, провоцирует дискуссию. Для того чтобы дискуссия была наиболее плодотворной, нельзя ограничиться критикой отдельных содержащихся в ней гипотез. Отдельные предположения, в «шокирующем» характере которых сам автор книги вполне отдавал себе отчет, не должны заслонить собой, как нам представляется, верное в своей основе и чрезвычайно перспективное с точки зрения правильного понимания этнополитической карты раннесредневековых Балкан видение исследователем далекого прошлого Боснии. Суть этого видения заключается в том, что в IX – первой половине X в. Босния не была интегральной частью Хорватии или Сербии, а наряду с Хорватией, Сербией и другими политическими образованиями западных Балкан являла собой отдельный этнополитический организм, формировавшийся в процессе отдельного этно- и политогенеза.

Очень хочется надеяться, что придет время для полной публикации рукописи труда М. Хаджихича. Сделать это необходимо для возможности более глубокого проникновения в творческую лабораторию исследователя, предложившего нам спорную, в ряде мест, несомненно, ошибочную, но первую и пока единственную в своем роде масштабную реконструкцию политического, социального и религиозного развития Боснии в IX–X вв.

С. Л. Алексеев

Вялікас княства Літоўскас: Гісторыя вывучэння ў 1991–2003 гг. Матэрыялы міжнароднага круглага стала (16–18 мая 2003 г., г. Гродна) = Grand Duchy of Lithuania: History of Research, 1991–2003 / Рэдкал. С. Б. Каўн (адказ. рэд.) [і інш.]. Мінск: Медісонт, 2006. 544 с. ISBN 985-6530-29-6.

Сборник является результатом круглого стола, проведенного в Гродно (Белоруссия) в мае 2003 г. Гродненским областным общественным объединением молодых ученых «ВИТ» совместно с Академической сетью исследователей Великого княжества Литовского. В работе круглого стола принимали участие историки из пяти стран-«наследниц» государства, игравшего значительную роль в Восточной Европе в Средние века и раннее Новое время.

Структурно издание делится на пять блоков (соответствующих каждой выступавшей стороне): России, Белоруссии, Литвы, Польши и Украины. Каждый такой блок помимо текстов докладов включает библиографический указатель опубликованной в данной стране литературы по Великому княжеству Литовскому (далее — ВКЛ) и дискуссию участников круглого стола.

Необходимо сразу заметить, что опыт подобного рода обобщения по изучению истории ВКЛ предпринимается впервые, и сам факт выхода такого сборника является большим научным событием. Одной из первых попыток обобщения литературы по истории ВКЛ был труд Сильвестра Осиповича Балтрамайтыса «Сборник библиографических материалов для географии, этнографии и статистики Литвы» (СПб., 1891), позднее переизданный в существенно дополненном варианте с названием «Сборник библиографических материалов для географии, истории, истории права, статистики и этнографии Литвы» (СПб., 1904). Второе издание особенно полное и содержит, помимо всесторонне охваченной литуанистической проблематики (разделы по археологии, истории, литовскому языку, сельскому хозяйству, просвещению и науке и т. д.), также список литовских и прусских книг со второй трети XVI в. по 1903 год. Однако этот труд, созданный на волне интереса российской исторической науки в конце XIX – начале XX в. к так называемой «Западной Руси», не получил должного распространения ввиду произошедших общественно-политических катаклизмов.

В советские годы, несмотря на изучение проблематики ВКЛ в сочинениях Э. Гудавичюса, Б. Дундулиса, В. Т. Пашуто, В. И. Пичеты, Б. Н. Флори, А. Л. Хорошкевич, никаких специализированных библиографических указателей издано не было. Всю информацию по опубликованным в этой области работам можно было узнать из общих историко-библиографических справочников, которые издавались в том числе и в союзных республиках. Основным принципом при их подготовке был политико-географический, т. е. учитывались лишь те работы, которые касались «истории народа» (белорусов, литовцев, украинцев) в рамках его официальных республиканских границ¹. В последние годы можно наблюдать в отдельных постсоветских странах попытки создания национальной библиографической традиции, впрочем, теперь уже не так скованной современными государственными границами во взгляде на прошлое страны².

В свете вышесказанного инициатива проведения круглого стола по истории изучения ВКЛ с последующей публикацией его материалов и прежде всего новейших библиографических указателей по литературе из пяти стран должна быть признана отвечающей давно назревшей необходимости в заполнении этой значительной лакуны.

Более половины объема тома, насчитывающего свыше пятисот страниц, составляют указатели литературы. С них и следует начать. Каждая из пяти библиографий имеет свои особенности, что оказалось возможным благодаря намеренной позиции редакционной коллегии, отказавшейся от унификации³. Так, например, российский и белорусский указатели построены по формальному принципу (т. е. по формам публикаций: монографии, диссертации, статьи и т. д.), в то время как литовский, польский и украинский — по тематическому.

Все списки в той или иной степени содержат краткие аннотации позиций. В меньшей степени это касается польской библиографии, но это может быть объяснено отчасти и тем, что именно она является самой значительной по объему. В ней насчитывается 1416 позиций, тогда как в литовской, занимающей второе место по этому показателю, вдвое меньше (712).

¹ См., например: *Гісторыя БССР. Тэматычны паказальнік савецкай літаратуры (1945–1958 гг.)* (Мінск, 1959); *Lietuvos TSR istorijos bibliografija*. Vilnius (выпуски в 1969, 1980 и 1992 гг.)

² Здесь нужно отметить работу, предпринятую в Институте истории Литвы в Вильнюсе, по изданию библиографии истории Литвы: *Lietuvos Istorijos Bibliografija*. Vilnius, 2000. — Уже выпущено несколько томов и, пожалуй, перед нами удачная попытка обобщения всей издаваемой в мире литературы по истории Литвы, в том числе и ВКЛ.

³ «Паводле рашчэння рэдакцыйнай калегіі, усе тэрміны, назвы і бібліяграфічныя пазіцыі падаюцца ў адпаведнасці з прынятымі ў нацыянальных гістарыяграфіях традзіцыям» (Прадмова // Вялікае княства Літоўскае: Гісторыя вывучэння ў 1991–2003 гг. Матэрыялы міжнароднага круглага стала (16–18 мая 2003 г., г. Гродна) = *Grand Duchy of Lithuania: History of Research, 1991–2003/Рэдкал. С. Б. Каун (адкал. рэд.) [і інш.]*. Мінск, 2006. С. 7).

Впрочем, по уровню подготовки, пожалуй, именно литовский указатель задает наиболее образцовые критерии для такого рода публикаций. Каждый крупный тематический раздел помимо вполне традиционных пунктов (обобщающие работы, монографии, статьи) содержит списки периодики, научных центров и исследовательских проектов по данной теме. Это вызвано тем, что как сама литовская литература, так и общая информация о деятельности литовских коллег в других странах крайне скудна и недостаточна, несмотря на ближайшее соседство.

Другой характерной особенностью является наличие английского перевода ко всем позициям литовской библиографии, а также английских аннотаций к большинству крупных изданий и монографий⁴. Такое решение может быть обусловлено, увы, до сих пор распространенным незнанием литовского языка в среде специалистов, занимающихся историей ВКЛ.

К сожалению, не удалось избежать ошибок, вызванных как недостатками набора (выпущена местами диакритика, опечатки), так и непринятием во внимание особенностей формирования международной библиографии. К таким досадным упущениям следует отнести полное отсутствие перекрестных ссылок между национальными указателями на одни и те же издания (периодика и коллективные сборники).

Переходя к текстам докладов каждой из сторон, следует сделать несколько общих замечаний. Так же как и в случае с библиографическими указателями, представленные доклады весьма разнятся между собой в зависимости от страны-участницы. Разумеется, говорить о каких-то стандартах (как в случае с библиографией, носящей сугубо технический, а потому и поддающейся унификации, характер) в отношении индивидуальных сообщений несколько странно, но все же единство темы подразумевает определенную степень общности в вопросах ее освещения. Поставленная перед участниками круглого стола задача сформулирована в его названии: история изучения ВКЛ в 1991–2003 годах.

Фактически в большинстве материалов не строго соблюдается указанная точка отсчета (1991 г.) и как в обзорах, так и в указателях можно увидеть и более ранние годы. Это указывает на то, что сомнительна сама удачность выбора в качестве рождения предполагаемой «новой историографии» ВКЛ даты политического характера — прекращения существования СССР. Научные тенденции, очевидно, не возникли одновременно с восстановлением независимости Литвы или подписанием Беловежских соглашений. Таким образом, ученые в той или иной степени сами корректировали заявленную тему.

В целом изложение «событий» национальных историографий следует структуре библиографического указателя. Сначала дается общий обзор публикаций источников, далее следуют специальные исторические дисциплины и обобщающие труды, и, наконец, внимание исследователя сосредотачивается на тематической проблематике. В заключении подводятся итоги развития историографии за указанный промежуток времени. Однако указанная схема реализуется далеко не всегда столь методично и однообразно, это скорее общий каркас.

Важным компонентом хорошего историографического обзора (помимо учета всех значимых областей исследовательского поиска) является ориентация на критическое осмысление существующего о положении дел, а также постановка проблем и вопросов о будущих направлениях исследований. Отклонение от данного принципа, увы, присутствует в отдельных сообщениях. Впрочем, обратимся собственно к материалу докладов гродненского круглого стола.

---

⁴ Все остальные указатели составлены и проаннотированы на языке страны — представителя библиографии.

Итак, первый историографический блок представлен российской стороной. С основным сообщением выступил А. И. Филюшкин. Указав на ряд значительных шагов в исследовании отдельных сюжетов истории ВКЛ и Речи Посполитой (далее — РП), петербургский ученый основной акцент доклада сделал на общем научном климате в этой области. Этот научный климат, по мнению ученого, характеризуется следующими четырьмя тенденциями:

☑ отсутствие исследовательских школ, работающих непосредственно над проблематикой ВКЛ и РП;

☑ неспециализированность интереса к этим государствам, т. е., как правило, ВКЛ и РП «исследуются в контексте более глобальных проблем»⁵;

☑ исследователи не применяют новые исторические подходы, господствуют позитивистские методы изучения истории;

☑ неопределенный статус истории ВКЛ в рамках российской науки и высшей школы.

Все приведенные тенденции не только справедливы для разбираемого временного интервала, но и сейчас продолжают определять ситуацию в современной российской историографии. Тем не менее, нужно отметить и некоторые положительные сдвиги, произошедшие за последние несколько лет. Например, намечаются перспективы научного сотрудничества между Россией и Литвой, результатом которого являются проведение конференций⁶ и переводческая деятельность (см. ниже).

Как справедливо указал А. И. Филюшкин, единственным сложившимся в России в 1990-е гг. направлением в изучении истории ВКЛ стало исследование истории церкви и церковных уний. В настоящее время есть основания полагать, что и в дальнейшем данный вектор будет оставаться одним из наиболее востребованных и перспективных. Это связано отчасти с тем, что религиозная тематика становится привлекательной в свете новых исследовательских парадигм, активно проникающих в российскую науку. Так, например, объектом исторической антропологии часто становятся феномены религиозного сознания.

Но, пожалуй, наиболее уместна в отношении ВКЛ и РП разработка проблематики конфессионализации. Этот концепт, получивший свое обоснование и конкретно-историческое приложение в работах немецких ученых (В. Райнхард, Х. Шиллинг), открывает возможность по-новому и более глубоко рассматривать уникальную религиозную ситуацию ВКЛ, известную своей поликонфессиональностью. Впервые это понятие было употреблено в коллективной монографии «Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и Белоруссии в конце XVI – начале XVII в.»⁷, однако в ней оно не получило своего раскрытия.

В 2003 г. М. В. Дмитриевым на основе докторской диссертации была издана детальная монографическая работа о генезисе Брестской унии 1595–1596 гг., где уже несколько более подробно автор рассуждает о феномене православной конфессионализации в ВКЛ⁸.

⁵ *Филюшкин А. И.* Изучение Великого княжества Литовского и Речи Посполитой в российской историографии 1990-х гг.: проблемы, тенденции и перспективы // *Вялкае княства Літоўскае...* С. 14.

⁶ Например, изданы материалы конференции: *Литва эпохи Миндаугаса и ее соседи: Исторические и культурные связи и параллели.* М., 2003.

⁷ *Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и Белоруссии в конце XVI – начале XVII в. Ч. I. Брестская уния 1596 г.: Исторические причины события / М. В. Дмитриев, Б. Н. Флоря, С. Г. Яковенко.* М., 1996.

⁸ *Дмитриев М. В.* Между Римом и Царьградом. Генезис Брестской церковной унии 1595–1596 гг. М., 2003. — Однако, характерно, что сам термин «православная конфессионализация» автор дает в кавычках, выражая тем самым некоторое недоверие или неуверенность в правомерности такого взгляда (см. Заключение. С. 272–284).

Вслед за своим учителем, М. В. Дмитриевым, исследование религиозной тематики продолжили М. А. Корзо и С. С. Лукашова. Если первая исследовательница обратилась к различиям в антропологических моделях православия и католичества на землях ВКЛ и РП⁹, то вторая посвятила свою диссертацию деятельности православных церковных братств в решающий момент церковной истории всего региона — период конца XVI века¹⁰. Обе исследовательницы продолжают активно работать¹¹.

Тематические доклады представили другие российские ученые. А. В. Кузьмин сообщил об историографии изучения генеалогии белорусской и литовской знати. Изучению литературной деятельности знаменитого «беглеца» князя Андрея Курбского российскими историками последнего времени посвящено сообщение К. Ю. Ерусалимского. О новых источниках (акты из собрания М. Л. Лозинского), появившихся в ОР РНБ, и новых проектах библиотеки (создание фонда цифровых копий из коллекции П. П. Дубровского) подробно изложено в докладе сотрудника РНБ С. Г. Жемайтиса.

Следующий раздел посвящен белорусской историографии. Пожалуй, именно начиная с белорусского блока материалов, встает проблема изучения истории ВКЛ в национальных историографиях. Дело в том, что, в отличие от россиян, для белорусов, как и для литовцев и украинцев, история ВКЛ неотделима от истории родной страны. Как известно, в прежней, советской историографии преобладал ограниченный, национально-географический подход. Однако с изменением политической ситуации появилась возможность заниматься историей ВКЛ в целом. Тем не менее подобная возможность была реализована лишь частично. Как показывают выводы Г. Галенченко, в Белоруссии «история ВКЛ до сих пор не является самостоятельным комплексным и целостным объектом исторического исследования». Белорусский ученый отмечает: «Основные проблемы истории ВКЛ в современной белорусской историографии опосредованно просвечиваются через историю Белоруссии, что, понятно, недостаточно»¹².

Справедливость данных высказываний подтверждается в частных тематических докладах. Даже если просмотреть названия обозреваемых исследований, то в большинстве случаев окажется, что предметом внимания служит история Белоруссии, а не ВКЛ. Конечно, средневековая белорусская история *ipso facto* будет историей ВКЛ, однако, не следует при этом забывать о том, что «история ВКЛ — это самостоятельный, развернутый и специфичный объект исследования», по словам того же Г. Галенченко.

Другой особенностью белорусской историографии является наличие научных спекуляций, вызванных в значительной мере потребностью белорусского общества в самоопределении. Как и в большинстве подобных случаев, эта интенция подталкивает к усилению внимания к прошлому страны, изучению ее исторических корней. Однако оборотной стороной такого интереса оказывается гиперинтерпретация процессов и событий в заданном концептуальном ключе, часто не соответствующем данным исторических источников с преувеличением одних исторических реалий и игнорированием других. Отчасти именно в такой области находятся

---

⁹ Корзо М. А. Образ человека в проповеди XVII в. М., 1999.

¹⁰ Лукашова С. С. Взаимоотношения клира и объединенный мирян в восточных землях Речи Посполитой в конце XVI в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2002.

¹¹ Лукашова С. С. Миряне и Церковь: Религиозные братства киевской митрополии в конце XVI в. М., 2006; Корзо М. А. Украинская и белорусская катехетическая традиция конца XVI–XVIII вв.: Становление, эволюция и проблема заимствований. М., 2007.

¹² Галенчикова Г. Беларускае гістарыяграфічнае даследаванне Вялікага княства Літоўскага XIII–XVIII стст. за 1991–2003 гг. // Вялікае княства Літоўскае... С. 121–122.

синтетические работы М. Ермоловича, вызвавшие отклик и критические замечания с литовской стороны¹³. Сюда же можно отнести труд А. Кравцевича «Создание Великого княжества Литовского»¹⁴.

Помимо национально-политических тенденций, заметно также (особенно наглядно это видно в докладе В. Голубева) отталкивание от советских методологических («марксистских») схем. Причем это отталкивание скорее порождает своего рода зависимость от указанной точки отталкивания, приводит к выводам с сомнительной научной ценности:

«На современном этапе необходимо постепенно переходить к отдельному исследованию вопросов хозяйственного и социального развития, рассматривать отдельно социальную и отдельно экономическую историю, как это принято в историографии стран, которые никогда не принадлежали к так называемому социалистическому лагерю»¹⁵.

Сейчас такая позитивистская установка выглядит несколько устаревшей, особенно если вспомнить, что еще в первой половине XX в. на тесных междисциплинарных связях и необходимости целостного («тотального») понимания исторического процесса настаивали основатели «школы “Анналов”» Л. Февр и М. Блок. В трудах последнего именно социально-экономическая проблематика в своей связи с другими направлениями, а не в отрыве от них нашла наиболее яркое выражение.

Наглядным примером, демонстрирующим внутреннюю непоследовательность и противоречивость теоретико-методологических поисков белорусских историков, является сообщение С. Морозовой о конфессиональной историографии ВКЛ. Исследовательница жалуется на наличие различных оценок религиозной ситуации, присутствие «идеологической и конфессиональной ангажированности исследователей», вызванной исторически плюралистическим характером белорусского общества. Но в то же время она видит необходимость в формировании единой концепции по этому вопросу, целью которой должна быть консолидация нации¹⁶ (*sic!*).

Эта попытка решить фактический разнобой мнений, вызванный в значительной степени социальными причинами, представляется более чем спорной, ибо предлагает заменить существующую многоликую (пусть зачастую и не строго научную) историографию единым «внеконфессиональным осмыслением... на основе национально-государственного подхода»¹⁷. Унификация, сведение взглядов историков к одному стандарту (тем более с ярлыком «национально-государственный») может лишь принести вред для развития белорусской историографии, хотя поиски адекватных научных подходов в противовес оценочно-пропагандистским, весьма полезны.

Более сбалансированной предстает историография ВКЛ в Литве. В отличие от белорусских (как, впрочем, и украинских, о чем ниже) коллег, литовские ученые стремятся охватить материал по всей территории княжества, не ограничиваясь государственными

¹³ См., например, статью Э. Гудавичюса «По следам одного мифа» (*Gudavičius E. Following the tracks of a myth // Lithuanian Historical Studies. 1996. Vol. 1. P. 38–58*). Первоначально работа опубликована на литовском: *Gudavičius E. Dar kartą vieno mito pėdsakai // Liaudies kultūra. 1994. Nr. 5. P. 25–33*.

¹⁴ *Кравцевіч А. К. Стварэнне Вялікага княства Літоўскага*. Мінск, 1998.

¹⁵ *Голубев В. Г. Історыяграфія сацыяльна-эканамічнай гісторыі Вялікага княства Літоўскага XIII–XVIII стст. // Вялікае княства Літоўскае... С. 168*.

¹⁶ «Яе адсутнасць [единой концепции] перашкаджае беларускай гісторыяграфіі стаць крыніцай кансалідацыі нацыі, чым з'яўляюцца, напрыклад, расійская і польская гісторыяграфія для сваіх народаў».

¹⁷ *Морозова С. Беларуская гісторыяграфія канфесійнай гісторыі Вялікага княства Літоўскага 1991–2003 гг. // Вялікае княства Літоўскае... С. 168*.

границами современной Литвы. В области публикации источников по истории ВКЛ наиболее серьезный вклад сделан именно литовской стороной. Прежде всего, это касается издания книг Литовской Метрики, к которому подключились и белорусские археографы.

Д. Вилимас и Р. Шмигельските-Стукене привели в своих сообщениях развернутую характеристику современного этапа исторических знаний о ВКЛ. Публикуются новые обобщающие труды, которые, несмотря на свои названия (обычно это «История Литвы»), рассматривают общую проблематику ВКЛ. Отрадно заметить, что одна из таких работ недавно вышла в свет в русском переводе. Речь идет об «Истории Литвы» Э. Гудавичюса¹⁸. Инициатива русского перевода и издания этого крупного обобщающего труда известного литовского историка заслуживает искренней похвалы¹⁹. Тем более удивительно и замечательно, что тираж этого объемного крупноформатного тома составляет 5000 экземпляров — цифру, по нынешним меркам, очень высокую для научной литературы. К сожалению, издание не лишено недостатков²⁰, но хочется надеяться, что сам факт выхода «Истории Литвы» станет своеобразной точкой отсчета в оживлении интереса к литовской проблематике как со стороны широкой читательской аудитории, так и со стороны академической науки.

Кроме того, существенной чертой изучения истории ВКЛ в Литве стало активное использование новых методологических подходов. Наиболее крупный проект в этой области — это издание сборника статей «Культура Великого княжества Литовского. Исследования и образы»²¹. По характеру и форме данное издание напоминает два близких не литовских: российский «Словарь средневековой культуры», выпущенный в 2003 г. под редакцией А. Я. Гуревича, и аналогичное французское издание, вышедшее еще в 1999 г. под руководством Ж. Ле Гоффа и Ж.-К. Шмита. В алфавитном порядке помещены статьи, посвященные основным явлениям культуры. Культура здесь понимается в самом широком смысле и включает основные явления не только материальной и духовной культуры, но и социально-экономические феномены, формы исторического сознания, отдельные этнокультурные группы и т. д. Несомненно, перед нами попытка создания синтетического обзора по ВКЛ в русле исторической антропологии. Целый ряд исследователей работает над изучением моделей коммуникации в различных областях жизни ВКЛ (в дипломатической культуре — М. Сирутавичюс, в социально-политических отношениях — Д. Карвялис и др.). Получили развитие на историческом материале гендерные темы.

В целом исследование ВКЛ в современной Литве носит наиболее последовательный и выдержанный в рамках новейших исторических подходов характер на фоне других национальных историографий постсоветского пространства.

Докладчиками с польской стороны выступили Г. Блашик и Д. Михалюк²². Г. Блашику принадлежит, вероятно, самый обширный обзор из всех представленных в сборнике. Структура его сообщения полностью совпадает с таковой польского библиографического указа-

¹⁸ Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 г. М., 2005.

¹⁹ Кстати, вопрос перевода с литовского языка был поднят в ходе дискуссии после выступления литовской стороны. Характерно замечание Г. М. Семенчука: «Мне кажется, вопрос языка не только проблема авторов, но это проблема и соседних стран. В принципе, переводы литовских книг на белорусский, русский язык должны инициировать не только литовцы, но также белорусы и россияне».

²⁰ Не говоря об оплошностях набора (в том числе связанных с отображением диакритики в случаях, где даются оригинальные литовские названия и имена) и местами о литературных неровностях перевода, заметна не выверенная редакция текста. Например, влиятельнейший магнат первой трети XVI в. князь Константин именуется (по месту своей вотчины) Острогским, вместо принятого в русскоязычной литературе написания Острожский.

²¹ Lietuvos Didziosios Kunigaikštijos kultura: tyrinėjimai ir vaizdai. Vilnius, 2001.

— Сообщение Д. Михалюк затрагивает более специальную тему историографии Подляшья.

теля, а последний в свою очередь является самым детальным и всеобъемлющим из всех представленных на круглом столе. Другими чертами обзора являются формализованность (иногда вплоть до совпадения заключительных фраз каждого подраздела) и информативность.

Однако после изучения отчета Г. Блашика остается ощущение того, что за отдельными деревьями оказался совершенно незамеченным лес. Сумма исследований, часто просто перечисляемых автором, сама по себе не складывается в общую картину. За редким исключением, польский ученый не дает методологических комментариев и развернутых оценок приводимых работ. С одной стороны, это может быть вызвано отсутствием места для аналитического разбора, но, с другой стороны, вовсе не обязательно было перечислять по именам авторов даже небольших статей. Дублирование в обзоре библиографической информации значительно снизило его критико-проблемный уровень. Таким образом, заинтересованный читатель может лишь догадываться по отдельным оговоркам о том, на каком уровне научных знаний в современной Польше изучают историю ВКЛ.

Тем не менее некоторые выводы все же можно сделать. В отличие от других стран, интерес к изучению истории ВКЛ в Польше очень высок. Во многом это следствие давно сложившейся историографической традиции. Важно отметить, что изучаемые польскими историками территории ВКЛ — это именно земли всего княжества, а не только те, которые входили в состав Польской Короны.

Помимо новых исследований, в 1990-е годы впервые были изданы работы польских историков, созданные еще до Второй мировой войны. Переиздан ряд уже ставших классическими трудов более раннего времени.

Заключительный раздел сборника представлен украинской стороной. На первый взгляд раздел предстает самым скромным из всех ввиду своего небольшого объема: библиографический указатель насчитывает всего 260 позиций. Знакомство же с текстами докладов исследователей позволяет считать выступления украинской стороны одними из наиболее удачных. Поскольку, как подчеркнули докладчики, для Украины характерен недостаток работ по истории ВКЛ и их географическая ограниченность, эти совсем не обнадеживающие сведения послужили материалом для вдумчивого анализа причин такого положения и вызвали вообще более глубокую степень осмысления (в сравнении, например, с польскими сообщениями) достигнутых результатов.

Общая картина литуанистических исследований обрисована в сообщении Е. Кириченко. Как и в случае с Белоруссией, внимание украинских историков сосредоточено на изучении украинских земель в составе ВКЛ, то есть мы опять сталкиваемся с изучением национальной истории, которая волей-неволей оказывается и историей ВКЛ. Как констатирует автор, интереса к истории собственно княжества ни в обществе, ни среди исследователей нет. Из этого вытекает отсутствие соответствующей дисциплины в высшей школе, что сказывается не в лучшую сторону на дальнейших перспективах изучения ВКЛ.

Другой проблемой является недостаточная источниковедческая работа, а это прямо отражается на конкретно-исторических исследованиях. Тем не менее развитие получили различные сюжеты политической истории ВКЛ на украинских землях (работы Е. Русной, О. Казакова, Ф. М. Шабульдо), сюжеты урбанистической и социальной истории (в частности, историю элит рассматривает Н. Н. Яковенко), истории церкви (труды Н. Кочана, Б. Гудзяка и др.).

Интересно заключительное сообщение украинской стороны — доклад Д. Вирского «Великое княжество Литовское как исторический опыт: случай Украины». Основной темой ученый выбрал само современное историческое сознание, которое он умело препарирует,

соотнося ментальные стереотипы «условного украинца» с интерпретациями историками явлений и событий прошлого украинских земель в составе ВКЛ. Данный подход убедительно, а иногда и обескураживающе, демонстрирует, насколько исторический дискурс зависит от вненаучных — возможно и не вполне осознаваемых — факторов человеческого сознания.

Если охватить взглядом все пять стран, причастных к изучению истории ВКЛ, то можно выделить следующие тенденции. Во-первых, за исключением Польши и отчасти Литвы, так и не сложилось отдельных специализаций по истории ВКЛ ни в академической науке, ни в высшей школе. История ВКЛ как таковая служит объектом частных исследовательских инициатив, но не разрабатывается специально в институтах, научных центрах и на кафедрах.

Во-вторых, не хватает свежего взгляда на исторические феномены ВКЛ, который прямо зависит от современных методологий исследований.

В-третьих, происходит поиск разного рода общих концепций в понимании ВКЛ, который часто носит не строго научный характер, но тем не менее способствует привлечению общественного интереса к проблеме (прежде всего, характерно для Белоруссии).

Подводя общий итог, хочется заметить, что, несмотря на отдельные недостатки, сборник материалов круглого стола по истории изучения ВКЛ в 1991–2003 гг. получился весьма информативным. Он указывает на основные характерные черты каждой национальной историографии стран-участниц. Думается, что данная организационная и издательская инициатива вызовет рост исследовательского интереса к проблематике Великого княжества Литовского.

Л. М. Аржакова, В. А. Якубский

Аксенова Е. П. А. Н. Пыпин о славянстве. М.: Индрик, 2006. 504 с.
ISBN 5-85759-354-9

Александр Николаевич Пыпин (1833–1904) — фигура в истории отечественного славяноведения в высшей степени примечательная. Не так уж много наберется имен, которые можно было бы поставить рядом с ним по широте научного кругозора или по воздействию, оказанному им на интеллектуальную жизнь пореформенного русского общества. Естественно, что он — талантливый публицист, историк, филолог, этнограф, археолог — и его научное наследие не обойдены вниманием исследователей. Серьезные историографические работы такого рода стали появляться еще при его жизни, и с тех пор их список неуклонно растет. Достаточно взглянуть в именные указатели к «Истории славянской филологии» И. В. Ягича¹

¹ Ягич И. В. История славянской филологии. СПб., 1910.